

Анжела Конн

ДЕВСТВЕННИК

РОМАН

Анжела Конн

Девственник. Роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41610271
ISBN 9785449644275*

Аннотация

«Мальчик замыкался в присутствии отца. Ужас, испытанный при виде той странной сцены, перевернувшей его сознание, не только не покидал его, но усиливался тем, что он не имел возможности, да и не смел рассказать кому-либо о своих переживаниях. В его пацанскую жизнь вошла циничная мужская тайна, от которой у него болела голова и ныло в желудке. Иногда, когда они с матерью оставались дома одни, подросток давал волю накопившимся чувствам и прильнув к ней, плакал. Ничего не объясняя».

Содержание

ДЕВСТВЕННИК	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	22
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	32
ГЛАВА ПЯТАЯ	40
ГЛАВА ШЕСТАЯ	47
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	57
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	64
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	76
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Девственник Роман

Анжела Конн

© Анжела Конн, 2019

ISBN 978-5-4496-4427-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анжела Конн.

ДЕВСТВЕННИК

«Всё разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни складывается из тени и света».

Л. Н. Толстой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Порывом ветра край тюлевой занавески занесло на лицо спящего, взметнуло и вернуло назад, касаясь едва дрогнувших губ молодого человека. Следующий порыв ветра, более сильный, чем первый, прямо-таки взбесил хлеставший по лицу тюль. Пытаясь унять наглое щекотание, мужчина повернулся на правый бок, в надежде избавиться от летающей над головой ткани. Но и там она не давала ему покоя. Схватив за кончик назойливой занавески, мужчина шепнул: «На-та-ша, На-та-ша, не ускользай... останься...».

Новый шквал, мощнее двух предыдущих, опрокинул на него вместе со шторой и карниз, прикреплённый под потолком кое-как. Шум от упавшей перекладины заставил бедолагу вскочить с кровати и захлопнуть распахнувшееся окно. Сон слетел с него как лёгкий тюль – скользнул с головы к лицу, скатился с плеч и, плавно струясь, ушёл вниз. Слетел до того, как будильник, заведённый на семь утра, завёлся и отбился в звонкой падучей, раздербанив остатки сладкой дрёмы.

Выпутавшись из кружевной пены, но ещё в тумане сновидений, молодой человек силился соотнести приснившие-

еся с внешним миром. Это оказалось не под силу не перешедшему в дневное бодрствование мозгу, да и мышцы расслабились за ночь. Насупленный взгляд его сопровождал полёт ткани, и, сменив гнев на милость, светлел под невесомой прозрачностью занавески, облаком взметнувшейся ввысь и вальяжно распластавшейся на постели. Видение, которое только что приснилось, рассеялось, растворилось и уползло в заумь причудливых узоров.

За последний месяц этот сон повторился трижды. Может, виной роман Толстого и его героиня Наташа Ростова?! Из урока в урок и образ любимицы автора, и её амурные истории то с одним, то со вторым, а в развитии романа и с третьим, превратились в своего рода наваждение. С самого начала учитель словесности выбрал собственную тактику изучения сложного произведения через чувства героев и восприятия их его питомцами, вплетая в любовную канву исторические события и военные действия. Как ещё завладеть вниманием ребят, у которых музыку тела играют пробуждающиеся гормоны?.. Подобное – подобным. Любовью. Язык фактов, дат, эпохальных явлений преодолевался ими с большим скрипом... Другое дело – язык любви...

Не далее, как вчера, войдя в класс, он загадочным тоном произнёс: «Та часть класса, которая хочет „жить“ у Ростовых – налево, а другая, что симпатизирует Болконским – направо». (1) Класс охотно подчинился. Зная своего учителя, ребята поняли, что предстоит очередной затейный урок,

продолжения которого ждали. И сейчас времени зря не теряли. Разбежавшись по партам, – со скоростью бега тараканов по углам от внезапной вспышки света, – они выжидательно смотрели на Алексея Сергеевича.

– Теперь, когда каждый из вас определил, в какой семье хотел бы «жить», аргументируйте причину выбора. Вспомните всё, что на уроках мы узнавали об этих семьях, что вас привлекает в них, и почему предпочтение отдаётся именно этой семье, а не другой... Благодаря живым играм и собственным методическим приёмам, изучение текста переставало быть формальным и навязанным, интерес к предмету усиливался от вовлечения учеников в сценки из романа.

Дети погружались в атмосферу склада и быта семей изучаемой эпохи через личные ощущения, входя в роль персонажа, которого сами же выбирали для обсуждения, исходя из симпатий и близости характера; импровизировали, включая в авторский текст свои реплики и движения, которые им казались уместными для данного эпизода; и творческая работа, приближая историю, делала её зримой и понятной.

Пока они шушукались и листали конспекты, учитель вдумчиво смотрел в окно. За ним цвела акация. Она вошла в его мир и осеняла неотвязными мыслями каждый раз, когда он видел перед собой цветущее дерево.

...Белые тяжёлые гроздья источали терпкий, дурманящий запах. На него, на этот аромат он тогда и пошёл, будучи с родителями в гостях у их друзей. Сидеть за столом со взрослыми

ми скучно – весна и ровесники манили на свободу с непреодолимой силой. С такими же подростками, а шёл ему в ту пору двенадцатый год, выскочил в сад поиграть в прятки.

Сад большой, роскошный, с тропинками и зарослями; вдоль забора с внутренней стороны цвела белая акация, а внутри – плодовые деревья, уже расцвеченные мелкими цветочками. Бело-розовое царство... В нём и растворились его дружки, спрятавшись под кустами и деревьями.

Алёше удалось обнаружить одного за другим, без труда находя их скрюченные фигурки. Но последнего, Димку, найти оказалось совсем не просто. Этот был хитрее всех и спрятался надёжнее других. Пришлось обойти весь сад, зайти в дальние уголки, осмотреть все кусты, однако пацан провалился как сквозь землю. Застукать мокроносого было делом чести.

Оставалась неизведанной крайняя аллея у забора. Алёша крадущимися шагами направился к ней, предвкушая близкое разоблачение корешка. Пытаясь поймать ухом знакомое шмыганье и хлюпанье, он раздвинул кусты, спутанные зеленью трав и листьев, и открыл было рот, округлившийся издать торжествующий возглас...

У забора, спиной к себе увидел мужчину, силуэтом напоминающего ему отца. Высокая фигура, русая шевелюра, рубашка в сине-голубую полоску, которую мальчик видел на нём всего полчаса назад, не оставляли сомнений. Он!

Алёша отступил на полшага, спрятавшись за ветками.

С изумлением воззрися на падающие к щиколоткам джинсы отца и его странную позу... За ним кто-то другой мелькал, извивался, а сам отец, корчась в ритмичных непристойных движениях испустил странный звук, напоминающий победный крик радости.

Этот крик, сладостно привычный для мальчика по играм с отцом в «солдатики» из недавнего детства, сейчас вонзился в сердце острым клинком. Отец наклонился за упавшими брюками, и Алёша увидел за ним девушку с растрёпанными светлыми волосами, прижавшуюся к деревянному забору, узнавая в ней милую Агату, дочь приятелей их семьи, на которую порой смущался смотреть из-за её благородной красоты. Лицо её, обычно скромно-невозмутимое, теперь светилось. Выражение голубеющего счастья в распахнутых глазах напугало Алёшу нахальной неуместностью.

Сумеречное небо сомкнулось над деревьями и упало низко, лишая пространство воздуха, очертив перед потерявшими рассудок глазами мальчика противоестественную для понимания картину. Напирала сверху тяжесть, выворачивая живот наизнанку от увиденного. К месту и не к месту считалкой отстукивалась в висках некогда вьёвшаяся в память загадка:

Хищник, разевая пасть,
Из воды грозит напасть.
Возле берега бродил,
Кровожадный...

Мальчику на секунду привиделся хищный крокодил песочного цвета, прикинувшийся бревном в реке в ожидании добычи. Вот он вращает выставленными наружу глазами и ноздрями, разевает зубастую пасть и...

Не понимая происходящего, не чувствуя ничего, кроме страха, колотившего в грудь, он бросился бежать, не разбирая дороги. Добежав до места, где его ждали остальные участники игры в прятки, рухнул на землю, теряя сознание...

Алексей Сергеевич повернулся к классу. Его чёткий голос прервал бурные перешёптывания ребят:

– Продолжаем работать... Времени у нас в обрез. Конец четверти и, тем более, конец года увенчается большим сочинением... Мы должны всё успеть. Так, где у нас графы и князя? Медленно передвигаясь между рядами, всматривался в каждого.

– Я княжна Марья. – Стройная смуглая девушка поднялась из-за последней парты у окна. Серьёзный взгляд тёмных глаз прошёлся по учителю и замер за его спиной, на классной доске. Рита вообще редко улыбалась. И то, что она согласилась изображать Марию Болконскую, не удивило его. Если кому из учениц и подходил образ княжны, то именно ей.

Её «большие, глубокие» глаза сострадали каждому, кто в этом нуждался, а «лучи тёплого света снопами» (2) проникали в самое сердце. Строгость облика девушки в редкие ми-

нуты смягчалась обволакивающе мягким взором, который преображал малопривлекательное лицо. В общении оно приобретало миловидность, что действовало на одноклассников безотказно и располагало к ней. Риту любили. И побаивались.

– Отлично, – одобрил учитель, – а кто у нас Наташа Ростова?

– Я! – Звонкий голосок прозвучал с противоположной стороны. Амплитудное вибрато перенесло взгляды ребят в сторону звука. Ну как не воскликнуть вслед за Толстым «что за прелесть эта Наташа...» (3)

Нежность, искренность, восторг в сочетании с теплотой эмоционально насыщенных мелизмами голоса, определил выбор детей, который обрадовал Алексея Сергеевича – удачное решение говорит само за себя: материал проанализирован и понят как следует. Светлана... Конечно же, Светлана.

«С большим ртом, некрасивая, но живая», – всплыли слова автора. (4) Так и есть, энергия, в отличие от Риты, то бишь Марьи, бьёт через край... Жизнь для неё – сплошной праздник, в то время как для Марьи – работа над собой, отречение от радостей и жертвенность для близких. Объединяла обеих девушек чистота, непосредственность, готовность по первому зову броситься на помощь. Не только их героинь...

Девчонки настолько вжились в полюбившиеся образы, что, глядя на них Алексей Сергеевич уже не различал, где «актрисы», а где их героини... Толстовские образы отража-

лись в них как в двух идентичных каплях воды. Довольный, он рассмеялся. Класс одобрительно загудел и урок продолжился. Пары академических часов явно не хватило, но чувство удовлетворения учителя от проделанной работы на уроке слилось с ответным неподдельным интересом ребят.

Раздался звонок. Сложное по объёму и по восприятию произведение вызывало любопытство в детях, в учителе – радость от их живого интереса. Объединяющий миг творчества... Равнодушных к роману не осталось.

Алексей Сергеевич видел это по лицам детей, выходящих из его кабинета. Он пришёл в школу недавно, но со своими мечтами – сделать предмет литературы необходимым и полезным другом, позволяющим ученикам раскрыть свой личностный потенциал. При соблюдении подходов, которые он выработал для себя, и теперь передавал их детям в том или ином виде, полезность литературы в жизни каждого человека неоспорима:

Литература учит нас говорить так, чтобы все слушали.

Литература учит видеть за частным общее.

Литература учит отличать важное от неважного, ценное – от мусора.

Литература воспитывает свободных людей, совершающих самостоятельный выбор.

Литература позволяет испытать сильные ощущения, не рискуя ничем.

Он мог бы привести ещё тысячу доводов в пользу чте-

ния художественной литературы, но на его взгляд, именно эти пять подходов помогут молодым людям по окончании школы чувствовать в себе уверенность перед неожиданными жизненными коллизиями. У него этой «подушки безопасности» в своё время не оказалось.

...Что за странные сны снятся ему! Уже третий раз за последний месяц после обсуждения на уроках героинь романа к нему является Наташа Ростова... Как сегодня...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сознание вернулось к Алёше во врачебном кабинете. Гости, узнав от вбежавших в дом взбудораженных происшествием детей, что их другу плохо, повскакали из-за стола. Мальчик лежал под деревом, поджав под себя ножки. Антон, хозяин дома, как пушинку подхватил его и, не мешкая, побежал к своей машине. Бережно уложил бездыханного ребёнка на заднее сиденье.

Соня схватилась рукой за сердце, пытаясь унять удары, отстукивающие дрожь во всём теле, и бледнела, бледнела, бледнела, за всю дорогу не моргнув ни разу и не отводя от сына глаз. Зрачки её вонзились в лицо ребёнка белее мела и контрастом пламенеющие уши, которые и в обычном-то состоянии рдели – индивидуальное свойство организма, – а сейчас полыхали пурпуром; по её неподвижному взгляду трудно понять – в ступоре она или в растерянности...

– Не знаю, куда делся Сергей? – вдруг заговорила она охрипшим от страха голосом, заламывая руки и сердясь на мужа за то, что в критический момент его не оказалось рядом, – сказал на минутку и пропал...

– Не волнуйся, главное, понять, что с Алёшей, вышел человек, мало ли... – подбадривал женщину Антон.

– Психогенный обморок, у подростков это бывает... – заявил врач, как только взглянул на ребёнка. – Чего он испу-

гался? – Что послужило причиной? – спрашивал старый доктор у матери, которая стояла ни жива ни мертва, недоумённо пожимая плечами. Он легонько похлопал мальчика по щекам. Реакции никакой. Поднёс к носу ватку, пропитанную нашатырным спиртом. У Алёши дрогнули веки в тот самый момент, когда дверь кабинета распахнулась, и в проёме показался исполошённый Сергей.

– Что, что... что случилось? – задыхаясь от волнения или от быстрого шага выкрикнул он и, подойдя к жене, едва стоявшей на ногах, приобнял её за плечи. – Не знаю, – расплакалась Соня, прильнув к нему, ничего не могу понять, почему...

– Ваш сын пережил сильнейший стресс, – пояснил доктор, он приходит в себя, но какое-то время будет чувствовать слабость. Можем госпитализировать, однако если дома обеспечить уход, лучше всё-таки в привычной обстановке побыть...

Алёша глядел в направлении голосов, но сквозь пелену тумана не видел склонившегося перед ним человека в белом халате, стоящих поодаль мать и отца, и ничего не соображал. Спутанное сознание, дымка, плывущая перед глазами, сковывали мозг, мешали думать. У него болела голова и до противности тошнило. Дав ему попить, проверив пульс и давление, врач позволил везти мальчика домой. С условием, что в ближайшее время, как только он почувствует себя лучше, обследовать мозговое кровообращение и сосуды.

Состояние угнетения и подавленности долго не проходило. Ни походы к врачам, ни визиты друзей Алёши не поднимали настроение. Тусклый цвет лица и безразличный взгляд ребёнка пугали родителей; они не знали, как вернуть сына к прежней жизнерадостности. Врачи каких-либо функциональных нарушений не обнаружили. Обследование специальной аппаратурой установило активацию нейронов в коре головного мозга. Подобное возбуждение, как правило, стабилизируется с уменьшением и окончательным исчезновением стрессового воздействия на мозг. Все ждали улучшения.

Развлечения, которые придумывались для него, сладости, любимые им прежде и заботливо поставляемые не скупящимися сейчас родителями, – хотя в повседневности они экономили, – не радовали и не выводили Алёшу из заторможенного состояния. Только однажды узнав, что к нему хочет прийти тот самый друг Дима, которого он безуспешно искал и так и не нашёл в саду, сын оживился и попросил мать не мешать им.

Дима пробыл у Алёши полчаса. Провожая его из квартиры, Соня обратила внимание, что мальчик уходит сильно опечаленным. «Бедные дети, – подумала она, – как остро переживают болезнь друга». Ей невдомёк, что опечален он совершенно иным. Об их разговоре она не могла знать. А если и узнала бы, всё равно ничего не поняла. Что можно понять из мальчишеского диалога:

– Где ты прятался в тот день? Я тебя искал повсюду...

– Я не прятался. Меня там не было.

– Как не было? После считалки вы все побежали прятаться в саду...

– Я побежал в дом. Мне приспичило, я побежал мочиться.

– Значит, тебя в саду не было?... Всё произошло по твоей вине! Я искал тебя... – Алёша выкрикнул эти слова со злобой, испепеляя друга враждебным взглядом.

– Что? Я виноват, что ты упал в обморок? Что ты несёшь?! Я вообще не в курсе, что произошло тогда. Придурок!

Дима выскочил пулей из квартиры, хлопнув дверью. Злость, досада, непонимание друга разозлили его, причиняя нестерпимую боль. Как же так! Пришёл навестить, а получил незаслуженное обвинение.

Пропив назначенные врачом таблетки и немного окрепнув, Алёша вернулся в школу. Одноклассники обрадовались его приходу, но вскоре стали замечать, что друг их изменился с детской силой. Прежде общительный и весёлый, мальчик превратился в настоящего буку – подолгу молчал, неохотно отвечал на вопросы, а учительниц окидывал неприлично фотографирующим взглядом, словно хотел что-то понять или выведать нечто важное для него, дойдя до такой дерзости, что сверлил их глазами, словно буравчиком, пытаясь сквозь одежду увидеть то, что скрыто от посторонних...

Дома вёл себя неоднозначно. С матерью он дружил всегда, между ними тянулась не заметная стороннему взгляду

нитка, и нитку эту он ощущал постоянно, как некое упругое и живительное соединение своего пупка с материнским, и знал, что она эту нитку тоже чувствует, оттого и тон его с ней, впрочем, как и её, отличался им обоим присущей чувственностью, которая может быть у любящих людей, понимающих друг друга без слов. Это биологически родственное притяжение усиливало тягу взаимных сердечных отношений, что, однако, а он это знал точно, не всегда бывает у самых что ни на есть кровных сердец. Утробная жалость, смешиваясь с любовью к матери, скрывалась в нервных волокнах этой животворящей чувственной нитки.

Её никогда не было к отцу. Между ними не существовало такой нитки. Было сыновнее подчинение старшему, умному, мужественному, перед которым проявлять свою оголённую любовь не хотелось, напротив, желание походить на отца заставляло мальчика скрывать истинные чувства, чтобы не выглядеть, как ему казалось, слабаком. С взрослением сына тайное обожание могло трансформироваться в надёжную и ясную дружбу. Сильный и уверенный в себе мужчина вызывал в пацане гордость от того, что у него крупный, весёлый, общительный отец, такой компанейский и заводной, часто напевал песенки, правда, порой скабрёзного характера, временами доводящие маму до колкостей в адрес мужа, так как она боялась дурного влияния непристойных текстов на сына. Но на мальчика их шутливая перепалка нагоняла безудержный смех. И всё заканчивалось к общему удоволь-

ствию миром и фольклорными шутками-прибаутками. Отец умело переводил стрелки. Думалось, так будет продолжаться вечно.

Сейчас же ситуация изменилась. Удар пришёлся в самое сердце. Юное, ранимое, не закалённое грубыми действиями – обманом, предательством, подлостью.

Мальчик замыкался в присутствии отца. Ужас, испытанный при виде той странной сцены, перевернувшей его сознание, не только не покидал его, но усиливался тем обстоятельством, что он не имел возможности, да и не смел рассказать кому-либо о своих переживаниях. В его пацанскую жизнь вошла циничная мужская тайна, от которой у него болела голова и ныло в желудке.

Иногда, когда они с матерью оставались дома одни, подросток давал волю накопившимся чувствам и прильнув к ней, плакал. Ничего не объясняя. Соня утешала его, успокаивала, обещала, что он поправится и станет прежним. Стараясь отвлечь от мрачных мыслей, она рассказывала Алёше, как они будут отдыхать летом на море, плескаться и загорать. Такая перспектива ему нравилась; убаюканный мерным голосом, он засыпал в объятьях матери. А Соня подолгу смотрела на него, теряясь в догадках, что могло повлиять на психику её сына.

Знакомые, зная о её переживаниях, рассказывали, что дети в этом возрасте подвержены всяким фобиям, которые ис-

чезают так же внезапно, как и появляются.

Жена Антона, её подруга Мария, учинила настоящий допрос среди детей, игравших вместе с Алёшей в прятки у них в саду, но все как один заверили женщину в том, что ничего из ряда вон выходящего в тот день не происходило. Всё как всегда. Никаких неожиданностей.

...Самой непредсказуемой неожиданностью стал взгляд Риты, когда она, в окружении подруг, выходя из школьного кабинета, посмотрела на Алексея Сергеевича. Прощаясь со старшеклассниками до следующего урока, он вдруг поймал этот непростой взгляд. И сразу отвёл свой. Почему? Что тут такого? Что мелькнуло предосудительного или непозволительного во взгляде ученицы одиннадцатого класса, что ему не хотелось видеть. И не только видеть, но и не захотеть дать ей понять, что он видел. А он увидел. В Рите, в серьёзной, благопристойной Рите он поймал зовущий бесстыдный взгляд. Или показалось?!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

От постоянных, выматывающих её до изнеможения раздумий, Соня пришла к выводу, что мальчика следует увлечь. Она стала приносить книги из библиотеки, в которой работала. Но зная, как подростки не любят, когда им что-то навязывают, женщина просто оставляла, словно невзначай, очередную книгу на столе. Вначале Алёша не обращал на них никакого внимания. Однажды на глаза попало забавное, как ему показалось, название одной из них – «Вино из одуванчиков». (5) Он усмехнулся.

– Что за фигня? Разве бывает вино из одуванчиков?

– А ты почитай – узнаешь, – ответила Соня.

– Ну, вот ещё! Принесла, сама и читай...

– И почитаю. Весь мир знает Рэя Брэдбери, и мне не помешает.

Спустя несколько дней, когда на столе появился Жюль Верн, (6) Алёша не удержался и полистав её, вдруг вспыхнул: «А вот эту буду читать. Приключенческая»... И, схватив «Дети капитана Гранта», исчез в своей комнате.

Мир литературы увлёк его. Он показался ему вначале волшебным. И одновременно нереально богатым. Сидя или лёжа на диване, мальчик путешествовал по континентам, плавал по морям, взбирался на головокружительные высо-

ты и общался с людьми, о существовании которых понятия не имел доньше. В чужих приключениях видел себя. Можно читать до старости, не нуждаясь в живом общении, взрослея, умнея, проживая бесчисленное количество жизней...

Отец в очередной свой приезд домой заметил перемену в сыне. Пропадая сутками на работе, связанной с длительными поездками, так как работал дальнобойщиком – водителем тяжёлого большегрузного автомобиля для междугородных перевозок – он появлялся дома изредка. Разительная перемена с Алёшей бросилась в глаза прежде всего ему.

К мальчику возвращалась жизнерадостность. Он стал более общительным с того злополучного дня, когда грохнулся в обморок, однако встречаясь с отцом, тем не менее, ступившийся, уходил в свою скорлупу, как улитка, которая в случае опасности прячется в раковине. Молниеносный отскок взгляда сына при столкновении с серыми глазами отца озадачивал главу семейства. Сергей не находил объяснения неадекватному поведению. Смотрит как неродной! Почему? Почему, бросив иногда конфузливый, а чаще плохо скрытый, осуждающий взгляд, Алёша уходит в себя... Краснеет, смущается, замыкается, зарывается в книги... Подальше от отца, только не встречаться глазами.

И действительно, *только в книгах Алёша успокаивался и обретал уверенность. Повествуя, они красиво молчали, когда всё было понятно, и заговаривали с ним, когда возникали вопросы. Без назойливости и нравоучений... Вызывая*

на внутренние дискуссии и спор, в которых он почти всегда выходил победителем. С героями произведений он чувствовал себя легко, самым собой. Не надо было прятаться или делать вид, напротив, можно радоваться или злиться, не опасаясь нежелательной ответной реакции. И самое приятное, с ними он обретал уверенность.

На первых порах Сергей терзался и переживал из-за недружелюбного поведения сына, но будучи человеком весёлого нрава, быстро отходил, отмахиваясь от навязчивых мыслей. Свой пубертатный период он прошёл давно и как-то незаметно, без следа в памяти, но однажды его осенило, что половое созревание подростков во время гормональной перестройки организма вызывает в некоторых угрюмость, растерянность, злость. На ум пришли разговоры его коллег, отцов мальчишек... Ну, конечно! Пацаны меняются психологически и физически. Вот и объяснение... Поэтому пусть растёт, облегчённо вздохнул отец, решив не вмешиваться, и постигает своё новое состояние самостоятельно.

Ему и в голову не приходило поговорить с сыном, посоветовать по-мужски, открыть для него тайну новых ощущений, через которые мальчик должен пройти. Ему никто же не открывал, всё постигал сам. «И опыт – сын ошибок трудных» Алёше пришлось, как и некоторым его сверстникам, приобретать через промахи и шероховатости взросления. Иногда через боль. Иногда природа подсказывала внешними изменениями...

Алёша вытянулся, раздался в плечах, на верхней губе появился слегка заметный пушок, огрубел голос, да и взгляд его понемногу стал утрачивать детскую чистоту и бесхитрость. В глазах появилась дерзость, временами граничащая с нахальством, проявляющаяся в общении с ровесниками.

С взрослением менялся и жанр книг. Приключения сменились классикой, в которой, пока ещё закрытой и тайной для его возраста области, им улавливались тонкости интимных отношений между разнополыми людьми и открывали доступ к «секретам» взрослой жизни. На какие-то вопросы гормональной пертурбации он получал нечёткие ответы. Не всё понимал. Дополнялись знания улицей, сверстниками, случайно подсмотренными сценками...

Тем не менее, книги совершили революцию не только в его сознании, но и ускорили биологическое взросление, объясняя изменения в возмужавшем теле и выявляя в нём мужское начало. Организм с бурным выбросом гормонов искал способы проявления. Мальчик подолгу рассматривал девочек, чувствуя к ним сексуальное влечение. Как реализовать его – этого он не знал. Агрессия, импульсивность, тревога всё чаще и продолжительнее...

Он не отводил напряжённого взгляда от обнажённых женских тел на пляже, прикрытых двумя полосками ткани. Соня видела бегающие, лихорадочные взгляды, жадно перескакивающие с одной девичьей фигурки на другую, и жалела сы-

на, хотя и понимала, что придёт время и он получит то, что сейчас кажется ему несбыточной мечтой. Что-то подсказать, объяснить сыну стеснялась. С дочерьми в этом плане проще...

А он, в порыве поднявшихся в нём чувств, обнимал мать, и успокаивался как в детстве, вдыхая её тепло и родной запах. Нуждался в ласке, в нежных, живых прикосновениях...

Агата, на которую он случайно наткнулся, прогуливаясь по парку с друзьями, подействовала на него угнетающе. Два с лишним года прошло после изменившего его психику случая... Та самая Агата, виновница его обморока в саду, и теперь, при одном взгляде на неё, перевернула всё внутри. Она спешила. Но задержалась на миг и мимоходом бросила что-то вроде того, как он вырос. Алёша не успел произнести ни слова – девушка испарилась. Исчезла, всколыхнув былое. И он вновь испытал нахлынувший ужас от потрясшей его юную душу сцены.

Каково же было его удивление, когда через три дня эта особа появилась в их доме со своей мамой. «Ну, да, – успокаивал он себя, – их мамы же подруги. Ничего в их приходе необычного нет».

Однако нахождение Агаты в их жилище раздражало его. Или волновало! Он невольно сравнивал благоухающую на пике расцвета молодую девушку с незаметно, но неуклонно увядающей женщиной, с недоумением отмечая, что внешнее сравнение не в пользу Сони.

Ревностный взгляд мужчины, пробившись, словно росток в пустыне, неожиданным образом обнаружил в себе способность давать оценку женской красоте. Его глазам внезапно открылось, что мать сошла с пьедестала, попрощавшись с весной и перейдя в лето; причём во вторую его половину – зрелую, за которой маячит осень. Уверенность, что мама ещё очень молода, таяла по мере сравнения. Возраст её перевалил за сорок пять, о котором в народе шутят «Сорок пять – баба ягодка опять». Фигура, прежде напоминавшая статуэтку, утратила нежные очертания, осанку подбила усталость; на лице появились морщинки, причёска не самая модная... Да и располнела как-то незаметно... Ягодка ли? не ему судить, однако сравнение не в её пользу. Рядом с ней Агата выглядела свежим, грациозным цветком. А мать... Обабилась в повседневных заботах. Вынеся суровый вердикт, он устыдился собственных мыслей.

«В двадцать семь моя мама была красивее», – сердясь на себя за нечестную параллель и вместе с тем одёргивая в себе глупую ревность, Алёша, извинившись, ушёл в свою комнату, не подозревая, что дальнейшие события резко изменят их жизнь – его, Сони и отца.

Агата влетела к нему спустя десять минут. Притворно рассмеявшись, она вальяжно, словно порхающая бабочка, прилегла на краешке стула, отчего подол лёгкого платья взлетев, обнажил коленки, и нарочито развязным тоном, что никак не вязалось со скромным обаянием, которым девушка

прежде очаровывала, спросила:

– Убежал? Меня испугался? Я не кусаюсь.

Алексей Сергеевич, поймав дерзкий взгляд Риты вздрогнул, и невольно сопоставил немую сценку с законсервированным в его сознании выпадом Агаты... Обе девушки вели себя развязно. Однако! Однако, окружающие не сомневались ни в благопристойности, ни тем более в их воспитании... И ему до этих неоднозначных взглядов не приходилось. В чём же дело? Он погружался в продолжительные раздумья о человеческой сущности. Почему лежащее на поверхности благо оборачивается в свою противоположность. Вдруг. Ни с того ни с сего. Не он ли виновен в такой трансформации... Да и как прояснить? Как понять, что на уме у юной особы...

– Никого я не боюсь, – буркнул Алёша. То ли от злости, то ли спровоцированный поведением Агаты, он сердито посмотрел девушке в глаза. И дальше произошло то, чего не могло произойти при других обстоятельствах.

Помимо его воли, невзирая на внутренний протест и одновременно затаённое, скрытое удивление самим собой, словно смотрит на себя со стороны, протянул руку и положил раскрытую ладонь на ж-е-н-с-к-о-е оголённое колено. Не прикоснись в этот миг к бархатистой коже, он, наверно, потерял бы сознание. Желание оказалось сильнее воли.

И всё же... В дальнейшем, анализируя это действие, он не смог объяснить причину своего порыва. Или дерзости. Именно дерзостью он назвал этот шаг. Не хамством, не зовом плоти... Спровоцировала ли девушка своим поведением? Почему не остановил себя? Что хотел доказать или показать? Он часто задавал себе этот вопрос после. И не находил вразумительного ответа.

Агата несколько секунд не сводила взгляда с его руки. Задумчивого взгляда. Так смотрят на нашкодившего ребёнка, считывая в уме, как правильно отреагировать, чтобы не обидеть, но и дать понять о неприемлемости поступка. С полущутливым – полусердитым видом, сбросив решительным взмахом ноги его трепетную, покрывшуюся испариной ладонь, деланно засмеялась:

– Не наглей. Очумел?... Я зашла поинтересоваться, что читаешь? Мама твоя говорит, тебя от книг не оттащить...

– «Лолиту» читаю, – теперь он, не отрываясь, сверлил её взглядом.

– Набокова... – протянула она задумчиво и с притворством, будто не замечая вызова, – не рано ли?

И тут на него что-то нашло. То ли насмешка, то ли копившаяся обида вдруг бросили его вперёд. Рывком он притянул девушку к себе и впился в её губы влажным поцелуем.

– Пусти, сумасшедший, – оттолкнув, она сверкнула глазами, – на себя посмотри, трясёшься весь, сосунок... – Не по-

нимая, что его больше задело – обидное слово или грубость отпора, а скорее и то и другое, Алексей взбесился.

– А сколько тебе было, когда ты с моим отцом трахалась... – злобно прошептал он, – ну же, давай, попробуй теперь с сыном... Щеки его пылали, руки, схватившие её за плечи, дрожали. Агата, не ожидавшая ни этих слов, ни хамских действий от него, плюнула прямо в лицо и со всей силой оттолкнув наглеца ещё раз, выскочила из комнаты.

Подруги, мило беседуя за накрытым столом, всполошились при виде раскрасневшейся девушки. – Ничего, ничего, – бросила она им на их «что случилось?» и выбежала из квартиры с перекошенным от гнева лицом. Мария, распрощавшись с подругой, бросилась за дочерью.

Спустя неделю наступила расплата. Сергей, отец Алёши, выбрав вечер, когда сын с другом был в кино, явился домой подшофе и заявил Соне, что уходит из семьи. Он говорил без передышки. О том, что давно любит Агату, о их связи, о том, что она любит его без памяти и они давно мечтают о совместной жизни.

Соня, бледнея и краснея, верила и не верила. «Как такое могло случиться, Серёжа? – вопрошала женщина, прижав руки к груди, – ты понимаешь, что ты наделал? Что ты творишь? Безумец! Ты совратил молодую девочку, дочь близких нам людей... Ты понимаешь, тебе нет прощения, люди осудят тебя... Твой сын! Как ты будешь смотреть на него!.. Завтра весь город узнает. Ты же знаешь, как разлетаются се-

мейные ссоры... Позор, это позор... бесчестие, я не допущу этого, – и, бросившись к выходу, несчастная женщина загордила ему путь.

– Это не семейная ссора. Это конец... Агата ждёт меня. Всё решено между нами. И никто не сможет нам помешать... Сергей торопливыми движениями бросал свою одежду в дорожную сумку. Пальцы при этом мелко тряслись, хотя взгляд, которым он старался не встречаться с женой, оставался прежним – бесстрастным к её словам и слезам.

– Ты не понимаешь, что ты наделал... – растерянно повторяла Соня, сжимая виски. – Ты подумал о её родителях, о нас... Когда ты стал таким эгоистом?! Что не так у нас с тобой... она уже навзрыд плакала, не представляя, как скажет сыну о случившемся.

Он отвёл жену от двери, распахнул её и со словами, что без Агаты не мыслит своей жизни, покинул квартиру.

– Извини, – последнее слово мужа заглушилось звуком хлопнувшей двери, и слившись с ним, прозвучало как выстрел.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Накануне Агата и Сергей пришли к окончательному решению, изменившему судьбу не только обоих. Разговор получился натуженным. Дождавшись его приезда, – а он каждый раз первым делом навещал «свою девочку», – Агата слово в слово рассказала Сергею об эпизоде с его сыном и «циничном», как она охарактеризовала выпад против неё, поведения Алёши.

– Представь, он всё знает, он видел нас в саду, молчал. Молчал чуть ли не три года... Тревога в её голосе, а ещё больше неожиданность сообщения сыграли роль кипятка, который вышпарил из мужчины остатки терпения.

– Теперь всё встало на свои места... – нервно произнёс Сергей, – и обморок внезапный, и заболевание, и этот взгляд... Тянуть бессмысленно, надо решать... Ты выйдешь за меня? – Вопрос-крик... Обычно он спрашивал об этом с нежностью, но сейчас голос любимого прозвучал надрывно, как если бы решался вопрос жизни и смерти: умрём или останемся жить.

– Ты же знаешь мой ответ, я тебе сто раз говорила, но...

– Никаких «но», с этим надо кончать, столько лет вместе, к чему тянуть?

– Представляешь, что будет с моими? – Агата с ужасом смотрела на него.

– С твоими, с моими, со всеми... А мы? Не в счёт? – Он в нервном возбуждении мерил комнату квартиры, которую снимал для свиданий. Мужчине под сорок семь; смотрит-ся отлично – результат частых тренировок. Бычье здоровье прёт из всех клеток, отсюда и манера держаться, и ладность натренированной фигуры. Ни грамма жировых отложений. Сергей следит за собой, надо отдать должное. Что она и делала. Занятия в спортзале в свободное от работы время повышают тонус, придают бодрость и уверенность в себе.

– Надо определяться. И мальчик знает, таит злобу ... в конце концов все узнают. Да и не в этом дело... Он привлёк Агату к себе, покрывая её лицо чувственными поцелуями.

– Ничего не бойся. Нас оправдывает наша любовь, – шептал он, обхватив возлюбленную сильными руками, соскучившимися по прелестным изгибам молодого тела. Ради него он готов отринуть весь мир и поселиться с любимой на необитаемом острове.

Пужинав, – от возбуждения выпив больше, чем положено, – отправился к своей семье сообщить о принятом решении. С тяжестью на сердце... Сергей не раз порывался раскрыть жене свои отношения с Агатой, однако не решался из-за сына; теперь же в глубине души обрадовался, что поведение мальчика, подтверждающее разоблачение их связи, подталкивает его к действию.

С другой стороны, признание жене и сыну в том, что он оставляет их, мучило, терзало, заставляло страдать. Он неод-

нократно обдумывал, как бы безболезненное преподнести убийственную для них новость, но ничего путного не придумал. Удар такой силы смягчить не удастся, о чём тут думать... Сердце щемило, ныло, разрушалось в одной части, а в другой ликовало и пело... Никогда не думал, что может быть вот так – тяжесть и лёгкость, радость и страдание одновременно. Но сомнений нет. Надо кончать с этим... Чем раньше, тем лучше. Для всех. Обойти неприятных сцен никак не получится.

Нелёгкое признание родителям смущало и Агату. Иногда пугало. Но ситуация не даёт ей выбора. На следующий день после признания Сергея своей жене, она последовала его примеру.

По дороге к дому девушка в который раз задавала себе вопросы, зная на них ответы. Готова ли она выйти за Сергея?! Однозначно – да. Кроме чувства, которое испытывает к этому мужчине уже много лет, у неё были и другие доводы в пользу «да». Он любит её искренне, в этом она не сомневалась. Разница в возрасте её не смущала. Это не имеет никакого значения... Сейчас модно. Он так любит – нежно, трогательно, самоотверженно... Никакой её ровесник не способен сделать её счастливой... Сколько знает себя – знает и Сергея в своей жизни.

Маленькой девочкой доверчиво залезала к нему на колени, замирала от страха и восторга, когда он подбрасывал её в воздухе и, ловя, крепко прижимал к себе. Обхватив

ручками, она вдыхала запах его русых волос, пропитанных то ли экзотическими полевыми травами, то ли остро-эфирным волнующим запахом бензина. Не разобрать! Но запах сводил с ума...

Родителям нравилась дружба малышки с их другом. Узнай они о тайных страданиях-мечтаниях дочери, пришли бы в оторопь – дикость, несовместимая с их моралью о нравственности. Она росла, и в своих девичьих грёзах лелеяла счастье с ним. А день, когда он вдруг надумал жениться, «убил» её – он стал самым трагичным в жизни. В тот вечер, когда вокруг всё кружилось и пело, она расплакалась и незаметно сбежала со свадьбы.

Он часто приходил к ним со своей женой Соней; Агата молча сносила её присутствие и ревновала. Старалась под предлогом ускользнуть, лишь бы не видеть эту пару вместе. Она вдолбила себе в голову, что Соня заняла её место. Когда у них вырос сын, она поняла, что Сергей никогда не взглянет на неё, не будет баловать её, смешить, обнимать как раньше. Вдребезги мечты... Он потерян для неё. С этой мучительной мыслью девушке пришлось нехотя смириться.

Но на праздновании восемнадцатилетия, когда женатый тайный возлюбленный, не ставший открыто любимым, пригласил её на танец, в неё словно бес вселился. Его обаяние действовало на неё как магнит, притягивая сильнее и ближе... Запах обволакивал, проникал в сокровенные уголки тела, вызывая трепет и желание. Она смеялась, кокетничала

и всячески давала знать, как он приятен ей.

Окружающие восприняли такое поведение как невинную забаву, шалость девочки, прощающейся с юностью под парами от выпитого шампанского. Коварное вино вскружило ей голову так, что она забыла о приличиях. Шушукались гости. Но тут же оправдывали – она ведь веселится в своём кругу!

Сергея же это напрягло. Чутьём самца он дошёл, что здесь не всё так просто, как могло показаться. С того самого дня стал наблюдать за девушкой. И в какой-то прекрасный миг увидел перед собой распустившийся цветок. Этот цветок трепетал в его присутствии, очаровывал, сводил с ума. Её голубые глаза подолгу застывали на нём, губы влажнели, а фигурка принимала такие очаровательные изгибы, что от волнения Сергей терял самообладание.

Образ Агаты, после ошеломляющего открытия, впечатался в сознание и сопровождал его везде и всюду – на работе, дома, на отдыхе. Не жена и ребёнок занимали его мысли, а она, Агата. Исползволь, год за годом, вытеснила, закрыв собой его прежний мир. Такое влечение друг к другу неизбежно подвело их к роковой черте, за которой кончается здравый смысл, стыд, приличия... Кроме них двоих никого не существует!

Они сошлись. Внезапно и жадно. Использовали любой подвернувшийся случай для утоления непреодолимой обоюдной страсти. И тот день, когда Алёша случайно нарвался на них, был одним из череды незапланированных сумасшед-

ших свиданий.

Агата предвидела разговор с родителями и представляла их лица. Удивлённые? Нет. Поражённые. Однозначно. Иначе быть не могло! Но она готова пройти путь осуждения и страдания, только быть с любимым. Наконец она может открыто заявить о нём... У неё есть веский и мощный аргумент – любовь. По её убеждению, любовь осуждать нельзя.

– Так, родители, – с храбрым видом, не свойственным ей, – они её такой прежде не видели, – начала она, как только вошла в квартиру, – не падайте в обморок... Я выхожу замуж! Бравладу в голосе они расценили как радость от важного решения, наконец-то принятого дочерью. Певучесть волжского говорка сменилась твёрдой чеканностью..

Мать всплеснула руками:

– Какой же обморок... мы этого ждём не дождёмся – с чувством воскликнула Мария, заглядывая в глаза любимицы и обнимая своё сокровище.

– И кто же этот счастливчик? – оторвавшись от фильма, заулыбался отец.

– Вы его знаете – подыграла ему дочь ответной улыбкой. Мы никого не знаем, – шутя в тон ей, отозвался Антон, – давно нас ни с кем не знакомила... А, впрочем, я догадываюсь, кажется. Так, сейчас угадаю... Не Николай ли, твой однокурсник... Он увивался за тобой в последнее время...

С лица Марии всё это время не сходила счастливая улыбка. Она не отводила вопросительного взгляда от дочери.

«Неужели свершится? – думала мать, – подруги замужем давно, дети успели родиться, а наша тянет... Причин-то нет. Красивая, образованная...»

– Нет, нет, не надо гадать. Я скажу. Только прошу понять. Я его очень люблю.

Родители всё ещё продолжали улыбаться. Агата знала, её признание сотрёт с их лиц улыбку, любование ею, их интерес... Появится что-то другое, что-то, что испортит семейную идиллию. Но что делать? Они с Сергеем решились на серьёзный шаг и отступить поздно. Чтобы добиться желаемого, остаётся идти напролом... Как воспримут? Наверно, в штыки! Ах, была не была... На кону её счастье... А их счастье?

Может ли она, их дочь, нанести удар родным... Замерло сердце на миг, потом часто-часто застучало, сорвалось со своего обычного места и покатилося куда-то вниз, выстукивая нервную чечётку в кончиках пальцев ног. Как же быть?! А может, всё обойдётся, и они примут... У неё нет выхода. Да и как возможно запретить то, к чему она стремится всей душой. Пунцовый румянец выступил на её щеках, когда она наконец произнесла:

– Это... это... Сергей.

– Кто такой? Какой Сергей? Мы его не зн...

– Знаете, пап... – Агата смотрела прямо, не отводя взгляда. – Ваш друг Сергей. – Мария, ошеломлённая, присела на стул. Отец, словно громом поражённый, не веря собственным ушам и своей дочери, думая, что она неудачно шутит,

переспросил:

– Сергей??? Наш друг! Ты с ума сошла! Он же женат, у него сын... Он старше тебя...

– Да. Мы давно вместе. Мы любим друг друга. Мы решили... – торопилась сказать она главное, всё больше нервничая. Словесный поток прервал странный звук. Бледная Мария, уже не слыша дочь, теряя сознание, мягко соскользнула со стула на пол, выронив из рук чашку. Антон бросился к жене, крикнув:

– Агата! «Скорую», вызывай «скорую», звони быстрее...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Соня не находила себе места. Язык не поворачивался сказать сыну, что отец оставил их. Бросил, как ненужную вещь, использованную и никчемную. Это же сильный удар для мальчика! Не окрепший ни душой, ни телом... Как ни старалась Соня оттянуть время разговора с сыном о том, что отец покинул их, оно неумолимо наступало. Сначала объясняла его отсутствие более дальней поездкой, чем в прежние разы, затем сослалась на то, что его задерживают по каким-то обстоятельствам... И только тогда, когда все доводы не появления Сергея дома были исчерпаны, женщина сдалась. Надо сказать, хочешь не хочешь. Нет, она знала: сама справится с тем, что брошена, но как преподнести ребёнку предательство отца, который оставил сына ради своей «великой» любви. Как же мучительно это признание...

Час откровения пал на воскресный вечер, когда Алёша вернулся домой с прогулки. Мать с сыном уютно устроившись за кухонным столом, пили чай. Соня, подперев кулачком круглое лицо, смотрела, как сын уплетает любимый яблочный пирог, рассказывая о предстоящих экзаменах. Аромат сдобы и корицы располагал к более приятной беседе, однако другого случая не предвиделось. Как он вырос, — любовалась мать, — крепкий, высокий, на отца похож... И всё равно ребёнок...

– Сынок, мы с тобой теперь будем жить одни... – выдавила она еле слышно, и увела взгляд.

– Одни... А отец? – В серых глазах запенился гнев... И не понять, что в них больше – злости, недоумения, отчаяния... – Ушёл? К ней, к Агате?

– Ты знал? Ты знал! – Соня нависла над сыном. Он ткнулся ей в грудь, обнял, зашептал:

– Мам, ну не мог я тебе сказать, прости. Давно знал... Отрыдав хлынувшие слёзы, Соня, глядя в безучастное ночное окно, жёстко процедила:

– Пусть катится... Проживём...

Алёша внутри себя ждал дня истины. Он предвидел уход отца из семьи. Или просто боялся, что так произойдёт. Как бы ни было – худшие предположения его сбылись. Переметнулся! Не тот у отца характер, чтобы лишиться себя желанной женщины ради семьи и взять обратный ход... Вот мама – другое дело. Впрочем, кому нужны суррогатные отношения... Лицемерие, недомолвки, обман... В маленьком городке слухи разлетаются со скоростью света. Она очень открытая, естественная, ранимая... Лучше уж сразу...

– Проживём, – голос сына отозвался эхом, – а что родители Агаты? – перевёл он разговор в иную плоскость, щадя Соню. Мать, вынырнув из нутра, отравленного горечью, пустым взглядом окинула его, уловив, несмотря на спутанность мыслей, его дипломатичный ход. Сын мужает на глазах. Произнесла сдавленно:

– Что? А что может быть! Мать в больнице, с инсультом... Отец в себя не может прийти... Друг называется... свинью подложил, так подложил...

– Де-ла-а-а... – протянул Алёша. Лицо его пылало, уши налились маковой аловатостью, – слушай, мам! Давай поставим точку. Бог с ним... – Соня согласна кивала. Что ещё она могла сказать... Одно радовало – у неё взрослый, умный сын. Его никто не отнимет. В этом она уверена. Кончит школу, осталось немного, поступит в вуз... Как хорошо! Прочь плохое. Начнётся новая жизнь.

Однако новая жизнь не спешила начинаться. Особенно трудно приходилось ночью, когда Соня в раздумьях о своей невесёлой доле плакала до утра, боясь, как бы сын не увидел её слёз. Утром с опухшим лицом уходила на работу, торопясь покинуть дом. Как-то дольше обычного задержалась у зеркала. И то потому, что сын спозаранку ушёл в школу. Собственный вид потряс: до чего дошла... Теперь ей стали понятны сочувственные взгляды коллег и знакомых – до дна дошла... Если не найдёт силы вытащить себя из мрака, куда загнало предательство мужа, ей конец. Прежде всего – перестать себя жалеть! Разозлиться! И начать действовать! Надо же! Он блаженствует, а она губит себя... Хоронит заживо. Ну нет, хватит. Какой пример подаёт сыну...

Вечером, придя с работы, Соня наполнила ванну водой, плеснула туда несколько капель масла лаванды и иланг-иланг,

га, купленных в аптеке по дороге домой, и улёгшись в тёплую пряность запахов, отдалась приятным ощущениям, стараясь смыть с себя раз и навсегда обиду и уничтожение женской сущности, вызванное предательством мужа и уходом его к другой.

Однако мысли упрямо преследовали, несмотря на решительную установку. Старалась успокоиться, напевая любимые мелодии, но жалость к себе и сыну не оставляла. Наконец, после нескольких крепких слов, сказанных в адрес бывшего мужа, заключила: пережить то время, когда кажется, что всё потеряно – обязана. Капли релаксирующих масел стали оказывать расслабляющее действие. Женщина успокаивалась в парах благовоний. У неё всё впереди. Сорок пять с хвостиком – это не возраст.

Бранными словцами Агату не обкладывала, так как была уверена, что виновник произошедшего – бывший благоверный. Последнее слово вызвало ехидную улыбку, благоверный... как же! Какой бы легкомысленной девушка не оказалась, виноват он, и только он. Умудрённый жизнью и опытом, глава любящей семьи, чувствующий за неё ответственность... Куда всё это делось? Поддаться сиюминутной слабости... Вот не верит она в его «великую» любовь! Никогда не думала, что её любимый окажется дешёвкой...

Проснулась утром с ощущением, что не всё так плохо. Ведь самое ужасное уже произошло. Вчера в ванне она прокрутила эту плёнку и сожгла её дотла. Всё плохое позади.

Дно... На то и дно, что от него можно оттолкнуться.

Она вспомнила себя неискушённой, совсем девочкой; рано потеряла отца, потом не стало мамы. Тогда преодолела боль, страх, несмотря на юный возраст. Нашлись силы. Неужели сейчас не справится?! На неё смотрело теперешнее её отражение, и оно Соне не нравилось. Пока... В себе она уже не сомневалась. Чего бы то ни стоило – всплывёт. Чуть-чуть усилий...

Визит к подруге стал её первым шагом к освобождению от страданий. Соня звонила несколько раз, справляясь о здоровье Марии, но не навещала её. Обида не давала переступить порог дома, в котором причинили боль. Но друзья тоже страдают... Прежде чем пойти, настраивала себя. Разговаривала по телефону с Антоном не раз.

Мария уже выписалась из больницы и была под наблюдением врача и заботой мужа дома. Речь её постепенно восстанавливалась. Встреча с подругой не прибавила радости Соне; она увидела, что внезапный удар изменил женщину и внешне, и внутренне, но слава богу, не настолько, чтобы не выкарабкаться. Не показала виду, напротив, стала подбадривать её:

– Поправишься, Мария! Думай о себе. Не пытайся изменить что-либо. Это бессмысленно, ведь все – взрослые люди...

Побывавшая у порога невозврата и чудом не переступившая его, Мария кивала в ответ. Наверно думала о том, что

самой Соне не мешала бы помощь. Увлажнившиеся глаза её говорили об этом красноречивее слов. Она сочувствует Соне, видит бог!.. Но бередить свежую рану не стала, успеют ещё наговориться. Всему свой срок. Только перед уходом попросила навещать её.

Провожая к калитке, Антон спросил Соню:

– Ты-то как? Он смотрел на неё прямо, без жалости и антимоний. Это понравилось Соне. Она понимала, что и он пережил не меньшее потрясение, как и каждый из них. В другой обстановке он повёл бы себя иначе, но болезнь жены вынуждала его взять себя в стальной кулак, чтобы суметь поставить её на ноги. Соня по-женски пожалела мужчину. Видела, понимала его внутренний протест случившемуся. При прощании голос её дрогнул. И только... Ньюни распускать не в её характере. Ни жалости, ни слёз... Крепко сжимая его руку в своей, с чувством выдохнула:

– Всё утрясётся, Антон. Сейчас главное, чтобы Мария выздоровела. Ты держи меня в курсе, если что... я рядом. Остальное переживём. Не жалею меня... Может, в чём-то и моя вина...

Антон смотрел ей вслед, пока Соня шла по тропинке к остановке. И только тогда, когда силуэт её исчез за деревьями, он в бессилии развёл руками и нетвёрдыми шагами, в задумчивости, пошёл к дому. К жене.

Двухлетняя девочка в махровом комбинезончике лимон-

ного цвета парила над его головой, заливалась в смехе и летела прямо в его раскрытые объятия. Он подкидывал малышку до тех пор, пока Мария, выглянув из дома, не останавливала их забавы.

– Прекрати, Антон, умаялась девочка. Иди ко мне, доченька, цыплёнок мой, – ворковала Мария, вытирая слюнки Агаты. – Замучил папка мою девочку... Отвернувшись от матери, малышка тянула к нему ручки, требуя продолжения.

Эта кроха после рождения стала счастливым наполнением и украшением их брачного союза. Жизнь крутилась вокруг неё – взросление, учёба, радости, переживания, поездки... Агата заслуживала исключительно самого лучшего от родителей, и получая это лучшее, росла скромной, послушной и любящей девочкой.

В какой период они проморгали её, он не мог понять. Да, она никогда не видела ограничений от любящих родителей, делала что хотела и как хотела, была свободна в выборе подруг, действий, передвижений. И Мария, и он не доминировали над дочерью в её предпочтениях... Но ничто не указывало на то, что невинные предпочтения приведут милую во всех отношениях девочку к таким результатам, от которых родные люди окажутся между жизнью и смертью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Алёша умел сдерживать себя. Наследственность одарила его этим качеством или оно выработалось в связи с последними событиями? – трудно сказать. Но в отличие от матери, по его лицу не угадать, какие чувства бушевали в нём. Даже близких друзей не посвящал в свои секреты. Кореш Ник с соседнего двора при встрече бросил фразу, словно невзначай:

– Видел отца твоего... с Агатой. Городок маленький, все друг друга знают, слухи плетутся от дома к дому, словесной вязью выются, с упорством лианы змейкой ползут со дворов на улицы... Сказал будто полоснул остриём по сердцу, впрочем уточнять что-либо не стал. Тактичный... Алёша понимал, что отныне ему придётся держать удар. Достоинно. Без нервов. Внутренне готовился к этому и поклялся – смутить себя не даст. И перед другом не растерялся, смекнув, что брошенный мяч следует вернуть. Ничто так не привлекает внимания, как игнорирование. Внесение минимальной конкретики, даже если в ней нет прозрачности и определённости, может утолить возникший интерес.

– Да, – не стал отмалчиваться он, – предки разбежались. Агата новая жена моего отца. Произнёс так небрежно, словно произошедшее было в порядке вещей. Ник присвистнул. То ли смутился, то ли пощадил, но тема больше не подни-

малась.

– Айда к нам во двор, – предложил Ник, – там как раз наша кодла тусуется. Познакомлю тебя кое с кем. Алёша пожал плечами. Ему всё равно, лишь бы прочь от навязчивых мыслей.

Ранняя весна – провокатор. Молодая порось человечества хмельное время многоцветья обычно проводит вне дома. Пробуждается природа, будоражит молодёжь, выводя её из тесных домашних стен на волю. Уже издали слышны голоса пацанов, устроившихся на лавочках под развесистыми платанами в центре двора. В вечерние часы, когда старики покидают обычные для времяпровождения места, устремляясь к экранам телевизоров, наступает смена молодых. Развалившись на сдвинутых впритык скамейках, перебивая друг друга, травят анекдоты, хохочут... Прикалываются беззлбно...

– Девушка, вы бы хотели заняться бизнесом? – Да, но чтобы мама не узнала.

– А вот ещё, – продолжает под гогот на вид восьмиклассник:

– Девушка, девушка! Разрешите вас пригласить в турпоход! – Какая я вам девушка! Я уже два раза была в турпоходе.

Щенячий восторг, всеобщий хохот, похлопывание в ладоши. Забавника тут же перекрывает голос другого весельчака:

– Можно ли с детьми говорить о сексе? – Можно, и даже нужно. Всегда узнаете что-нибудь новое... Очередной смех

затишает в ожидании нового анекдота от высоченного паца-на:

– Один заика спрашивает у прохожего: с-с-с- ска-жи-те, п-п-п-ожалуйста, где ш-ш-ш-кола для з-з-з-аик? А зачем тебе, удивляется прохожий, – ты и так хорошо заикаешься. И снова, – га-га-га-га...

Подошедшие, с ходу подхватив веселье компании, плюхаются на сиденье. Воздух содрогается от звонкого группового смеха. По пустынному двору каскадным эхом разносится гогот, сдувая птиц с облюбованных ими веток. В паузе Ник интересуется:

– Вольготно без девчонок? Шпарите не передохнув. Куда «гёрлы» делись?

– Пошли за мороженым, кажись – откликнулся один из них.

Алёшу поразила бледность, почти прозрачность кожного покрова парня. Не успел он предположить причину такой аномалии, как появились три девочки.

Это были старшеклассницы, лезшие из кожи вон, чтобы выглядеть старше своих лет. Об этом кричала несусветного цвета и покроя одежда. На одной – балахон серо-буро-козавчатой (7) расцветки, на другой – ярко-петушиной окраски кофтёнка, третья облачена в ультрамодные из тонкой кожи тесные джинсы... Вот-вот лопнут. Выпендривались как могли, не ведая того, что со стороны их претензия на взрослость выглядела жалкой и смешной. Она проявлялась в пове-

дении, словечках, нескромных телодвижениях... А где ещё проявить себя и показаться во всей красе?! Только в референтной группе, каждый член которой большой авторитет для другого. Раскованность, граничащая с вульгарностью, – показатель крутости. Явно старались перещеголять друг друга.

Демонстрируя бесцеремонность, втиснулись между мальчиками, оттеснив их на край лавочки. Впритык к Алёше уселась рыженькая с зелёными глазами. Стрельнула изумрудами в каждого по очереди и, откинув оранжевый шарф за спину, сорвала с эскимо обёртку, слизнула верхнее шоколадное покрытие.

– Мой кореш Алексей, – кивнув на друга, представил барышням Ник.

Девочки, занятые лакомством, едва взглянули. Только рыженькая, скосив в его сторону взгляд и выбросив вперёд ладошку, пропищала: «Хай! Я Лина». Она продолжала слизывать эскимо, высовывая розовый язычок, кончиком ловко подхватывая стекающую субстанцию так, что ни одна капля не пролетала мимо рта. Казалось, ничего важнее этого процесса для неё в данный момент не существовало. Поза в наслаждении... Обе другие гёрлы точь-в-точь повторяли её движения.

Ребята, зачарованные, бросали на девочек плотоядные взгляды, не догадываясь о спектакле, устроенном юными чаровницами. Мороженое в данном случае служило инстру-

ментом притяжения к своей особе, и, пользуясь им умело, (подворотня отточила) за отсутствием других навыков, старались сразить наповал любого, сидящего рядом. Они причмокивали алыми губами, вонзали сверкающие белизной зубы в холодное эскимо, закатывая глазки... Девичья душа жаждала внимания.

Об утолении жажды плоти то ли не помышляли, то ли гнева родителей остерегались. Любопытство любопытством, но и последствия, по признанию знакомых девиц постарше, вкусивших запретный плод, бывают аховые. Эти пока что вышли на тропу завоевания мужского интереса к себе способом без нежелательных последствий. Алёша усмехнулся: они не готовы, как и он. С той разницей, что он считает их, а они нет.

– Чего молчим? – лукаво спросила Лина. Анекдоты кончились?

– А-а-а, хотите этот... – вздрагивающим голосом, предварительно прокашлявшись, произнёс бледнолицый, – вчера один рассказал:

– Папа мне всегда говорил: не ходи по злачным местам – там такое можно увидеть... – А ты ходил? – Ходил. – И что же там увидел? – Папу.

Алексей глотнул появившиеся во рту слюни. Не помогло, тошнота не исчезла. Незаметно, пока все закатывались в смехе, сплюнул, со злостью думая о том, что невольно становится героем анекдотов. Случайность или преднамерен-

ность... Скорее, совпало. Как незнакомый бледнолицый мог знать о его истории?! Нонсенс, конечно.

После часового вялого трёпа «ни о чём» он собрался уходить. Скука. Кроме того, вокруг витало нечто, что его напрягало. Захотелось оказаться в своей постели, где он чувствует себя защищённым. Недавнее открытие, полученное путём собственных действий, освобождало его от смущения перед кем-либо, и, что ещё важнее – виноватости. Напротив, наедине с самим собой, какая тут вина, перед кем...

Как-то вечером приняв душ и лёжа в кровати, почувствовал жжение в паху. Запустил вниз руку. Трогая мягкие части в промежности, он понял, что прикосновения приятны, и останавливаться не хочется. Осязания доставляли удовольствие. И сейчас, мелькающий перед глазами язычок Лины, слизывающий мороженое, странным образом вызвал зуд в паху, возбуждал и требовал определённых действий. Ему захотелось ласкать себя. Мгновения, когда напряжение покидало, выбрасывая из него горячую струю, приносили радостное облегчение. Ни с чем не сравнимое ощущение! Сладостное, до сих пор незнакомое, отдалённо напоминающее материнские ласки в детстве. Попрощавшись, он поспешил домой, чтобы в очередной раз испытать истому плоти и освободить её от донимавшего томления.

Ник оказался более осведомлённым в этой области. Превозмогая себя, выдавая свою сопливость с головой, Алёша,

почти запинаясь, — а как иначе узнать, — поинтересовался однажды, а бывают ли у друга... такие минуты.

— Эрекцию имеешь в виду? — ничуть не смущаясь уточнил просвещённый в гормональных изменениях Ник. — Ещё как... И наклонившись к уху, произнёс что-то, поясняя, — мы так это называем... Новое слово смутило, краской прошлось по лицу Алёши, оставляя на нём багровый зигзаг... Термин означал тайное, не совсем благовидное, по его разумению, действие — рукоблудие.

Школа и занятия спортом служили паллиативным средством, отвлекая Алёшу от внезапно появившихся проявлений природы, однако женские фигурки, как назло, попадавшие на его пути чаще, чем раньше, вводили его в дрожь и волнение. Особенно их мягкие округлости. Он вдруг поймал себя на том, что стал обращать на противоположный пол пристальное внимание, чего раньше не наблюдал за собой.

Первые впечатления от женского тела у него связаны с мамой, когда в детстве он утыкался в её мягкую тёплую грудь, обхватывал ручками начинающие округляться бока и чувствовал себя самым защищённым ребёнком. Те времена прошли. Он вырос. И подобные ласки с матерью позволить себе не мог. Но он так нуждался в них... И когда видел девчонок с недавно оформившимися выпуклыми формами, так и подмывало коснуться, тронуть, пощупать девственно нетронутую плоть, невесть откуда и как всхолмлённую двумя бугорками...

Однажды он пошёл за девушкой. Она оказалась впереди него на тропинке, длинной диагональю пересекающей их зелёный двор. Сначала Алёша обратил внимание на хвостик из светло-каштановых волос. Он весело раскачивался вправо-влево в такт её шагам подобно маятнику. Взгляд скользнул от спины к талии, ещё ниже и остановился. Нет, припечатался...

Обтянутые тонким трико два полушария играючи подпрыгивали по очереди от попеременного переставления ног. Кеды и спортивное облачение говорили о том, что девушка с тренировки. Она шла с задором махая хвостиком, не подозревая, какие муки испытывает шедший за ней юноша. Он не спускал глаз с её крепких ног, переходящих в его воображении в непознанный, и оттого всё больше манящий, по рассказам сверстников, сексуальный рай. Как познакомиться? И внезапно представил разъярённое лицо Агаты, когда она отпихнула от себя Алёшу.

Тогда он очень испугался, хотя и не подал вида. Страх от перекошенного лица дочери друзей семьи надолго лишил его покоя, заронив в недрах его сознания предчувствие последующего невезенья. Чего он испугался? Гнева отца, если тот узнает, или боялся расстроить мать, или... Запоздалое недовольство собой всё чаще мучило: не стоило так набрасываться на Агату, но как говорится, поезд ушёл. Вернуть и исправить не получится.

Вот и с этой девушкой, удастся ли познакомиться...

А вдруг она тоже оттолкнёт, разругается... Он в уме подготовил первые фразы, и при подходе к жилому зданию, хотел обратиться, но тут его внимание отвлекла огромная собака в наморднике, выбежавшая из подъезда; за ней еле поспевал молодой человек. Незнакомка остановилась и, улыбаясь собаке и её хозяину, исподлобья взглянула на шедшего следом за ней Алёшу. Бросив на неё сбоку любопытный взгляд, он вдруг обрадовался. И выдохнул с облегчением. Незаметно. Не столько для неё, сколько для себя. Что странно – без сожаления о неосуществлённом задуманном знакомстве. Это он отметил про себя.

Оказалось! Какое счастье, что ему удалось разглядеть её. Он словно освободился от навязанной ему роли извне. Лицо девушки, обезображенное большим родимым пятном шоколадного цвета, напрочь отбило у него охоту заговорить с ней. Вот что оказалось! Продолжая свой путь, Алёша обошёл эту группку и спокойно пошёл дальше. Душа его ликовала. Проверка собственной смелости отодвигалась на неопределённое время. Какой-то период он не станет корить себя за закомплексованность. Появилась причина, оправдывающая его. Рассудок контролировал тело, жаждущее прикосновений.

Предстоящие выпускные экзамены ослабили терзания юноши от размышлений о внушённой самому себе неполноценности. Нет-нет вспоминая этот случай, он испытывал чувство неловкости перед собой, но тут же прогонял гадень-

кое ощущение спасительной отговоркой, что девушка попала с изъязом. Но странный сон, приснившийся накануне первого экзамена, испортил ему настроение надолго.

В тот вечер лёг поздно. Пытаясь наверстать упущенное время, лихорадочно перелистывал страницы произведений, заучивая наизусть крылатые выражения и цитаты. Литература всеми признавалась его коньком, и получить оценку ниже высшего балла считал для себя позором. В конце концов его сморил сон, и он рухнул в постель.

Огромное родимое пятно на его лице чесалось и болело. Алёше послышалось будто кто-то незнакомый требует: «Сними, сними, сними». Он пытался содрать его с кожи, но болезнетворная отметина не исчезала. Он яростно тёр и щипал своё лицо. Наконец отлепившись, мерзкое пятно рассыпалось по всему телу многочисленными родинками, подобно осколкам от вдребезги разбитого стекла. Родинки чесались, кололи его, причиняя боль и страдание. Он стоял, размахивая руками, отгоняя от себя размноженные зудящие точки, словно навозных мух. Проснулся от собственных криков – кыш-кыш-кыш. В зеркале увидел кровоточащую опухшую щеку и обомлел.

Так расцарапать себе лицо... Придётся отмахиваться от всех и врать, что у него флюс.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Скучно... Ох, как же скучно... Клумба с распустившимися цветами во дворе дома, который арендует на окраине города молодая супружеская чета, на миг занимает внимание Агаты. Красиво, слов нет, но похоже на декорацию к её новой статичной жизни, а настоящее, живое и резвое, осталось там, в родном доме, за оградой, где прошли детство и юность. Скучает и по дому, и по саду, но по родителям – до потери сознания.

Её признание в любви к Сергею и последующие объяснения привели чуть ли не к трагедии. С тех пор, как она объявила о своём замужестве и мама попала с инсультом в больницу, она не видела ту, которую боготворила с первого мига узнавания её. И себя, через её лучезарную улыбку и тепло рук. Они всегда пахли вкусностями. Заходила навестить, но встретив тяжёлый взгляд отца, не отходившего от матери в больнице ни на шаг, не рискнула повторить визит. Отец так и сказал:

– Не появляйся матери на глаза. Дай ей прийти в себя, а то окончательно доконаешь...

Новая жизнь сначала закрутила-завертела. Сергей старался как мог. Они уехали в свадебное путешествие сразу после небольшого торжества. С натяжкой можно назвать скомканную процедуру свадьбой. Родители и близкие отсутствова-

ли; человек десять-пятнадцать, в основном коллеги с работы жениха и невесты.

Путешествие по городам и весям огромной страны должно было компенсировать горечь и от реакции родителей, и от собственного неудовлетворения того, что натворила, хотя ни на минуту не жалела о замужестве, и, по сути, от несостоявшейся свадьбы. Не такой Агата представляла её. Медовый месяц... Можно и так назвать, если бы не горечь...

Сергей сделал всё, чтобы новоиспечённая жена отвлеклась от тяжёлых мыслей; на арендованном авто они намотали по Союзу тысячи километров. Начали с Прибалтики, потом двинулись в Украину и Белоруссию, оттуда в Закавказье... Поездка, полная впечатлений и радостных открытий, на время увела её от реальности, однако под подспудным грузом сердце не открылось в полной мере. Чета возвратилась в родной город, и Агатой вновь овладели нерадостные мысли после того, как иссякли разговоры о поездке.

Спасала работа. Но как бы Агата не любила свою профессию врача, в шесть часов вечера приходилось запира́ть кабинет и отправляться домой. Хорошо, когда Сергей в городе: друг на друга не могут наглядеться. Любит она прогуливаться с любимым по тихим улочкам города, по набережной, посидеть, прижавшись к нему, на скамейке и провожать взглядом проплывающие мимо судна. А в дни его рабочих поездок Агата не знает куда себя девать. Без него и свет не мил: не хочется выходить из дома, чтение не отвлекает, от теле-

визора тошнит. Вот и сейчас вынужденное одиночество её гнетёт.

Бросив последний взгляд на пёструю клумбу, – единственное, на что приятно смотреть в отсутствии мужа, – накидывает на плечи лёгкое пальтецо и выйдя за калитку, садится в свой старенький тёмный «пежо» и катит по улицам. Городок маленький, но уютный, живший своей провинциальной жизнью; вольготно раскинулся на берегу могучей реки Волги. Она едет по набережной, любуясь видом моста и опустевших пляжей. Летом иголке негде упасть...

Агата родилась и выросла здесь, на природе средней полосы страны. Изредка покидала родные места с родителями на время их отпусков, но неизменно возвращалась. Вернулась и после окончания института. Надежда родителей, что дочь останется в областном центре, не оправдалась. Ни на какой другой променять свой городок не согласилась бы. Многочисленные храмы, сохранившиеся старинные купеческие дома, придают её любимому городу скромное, но неповторимое обаяние. И сейчас, проезжая по его улочкам, чувствует себя как у Христа за пазухой.

Ездить любит, и машина приводит её в восторг. Подарил бы ей отец, если знал, какой фортель она выкинет... Скорее всего, нет. Пригнал из Москвы, когда дочери исполнилось двадцать четыре. Был несказанно горд, что купил её не у кого-нибудь, а у настоящего дипломата. Подержанная, зато напичкана шпионскими историями. С этим дипломатом

отец когда-то учился в одной школе. Спустя много лет они встретились на праздновании юбилея школы. Через месяц отец из столичной командировки въехал в их двор на машине, о которой дочь могла только мечтать. И водить научил её он... А что видела эта машина со своим бывшим хозяином, отец рассказал ей под большим секретом.

Агата глотает подступивший к горлу ком. Конечно, она поступила с родителями по-свински, чтоб не сказать больше – поставила их перед фактом. Могла хотя бы намекнуть, слегка подготовить заранее, да не решалась. И, во-вторых, вышла замуж не за того человека. По их мнению. Гм! А с другой стороны, что такого она сделала? Взрослая, вправе своей жизнью распоряжаться, как считает нужным.

Но почему червячок сомнения грызёт и исподволь подтачивает обрётённое ею счастье. Тёмные мазки на светлом фоне... Или сгущает краски?! Избавится ли когда-нибудь от этого противного ощущения... Противное, однозначно. Видимо, всё, что они с Сергеем содеяли, со стороны выглядит мерзко. Но как же трудно признаться в этом даже самой себе. И точит, и грызёт червь... Неужели она ошиблась?! Нет, и мысли такой допускать не хочет...

В раздумьях не замечает, как подъехала к родному дому. Уже пять минут стоит и стоит перед родными воротами... Сердце колотится так, будто предстоит сдать сразу три экзамена, к которым она не готовилась. Выйдя из машины, неуверенным шагом, словно на ногах по гире, Агата подхо-

дит к запертой калитке. Долго стоит, сдвинув брови, и всё-таки поднимает руку, звонит... И тут же жалеет. Ах, не стоило звонить... Невезуха! Вот этого она совершенно не ожидала... Неровен час, вышедшая на звонок особа, закатит истерику...

В дверях дома появляется Соня. Их взгляды впиваются друг в друга на расстоянии шести метров. Впиваются и режут, подобно скальпелю: больно, по живому. Так больно, что невольно одна из них зажмуривается. И тут же открыв глаза, понимает, что проигрывает не знающим за собой вины карим глазам Сони; они не спускают чистого, беззлобно-изучающего взгляда с Агаты... Ощущение как в вакууме, только мелкая барабанная дробь бьётся в ушных раковинах. У Агаты.

Внезапное дежавю с детством, когда девочка проснулась в своей комнате, услышав звон в пустоте. Она болела корью. Мама тогда не отходила от её кровати. Спустя пару недель ей стало лучше, кризис миновал, и мама уснула в соседней комнате. Агата открыла глаза от резкого звона, испугалась, позвала одними губами, не слыша своего голоса: мама, мама... В ушах пульсировало и звенело. Как услышала её мама – осталось загадкой. Но она прибежала. Прижала Агату к себе, успокоила. Сразу прошёл звон, голова перестала болеть.

Мама, мама... Сейчас маме самой требуется помощь, да и она давно не маленькая. Но как же она бессильна в дан-

ной ситуации... Гильотиной повис воздух между женщинами. Тяжёлый, удушливый... И острый. Потому что её всю режет, кромсает на кусочки. Стыдно и холодно от осуждающих глаз Сониных. Они сверлят её, догоняют убегающий в сторону смятенный взгляд. Ей чудится, как скрежет железа рваными остриями пробирается к сердцу, и оно замирает перед неотвратимым.

Соня, наконец, сжавшись, отводит взгляд вдаль; медленно, с усилием пробираясь сквозь невидимый заслон, приближается, отодвигает засов и выпускает Агату. Сжав губы и промолчав на приветственное бормотание хапуни, (как окрестила про себя разлучницу) присвоившей себе часть чужой жизни, женщина с суровостью во всём облике, обходит её и, войдя в дом, обращается к подруге:

– Пойду я, Машенька... – голос её звучит устало. Мария, не проронив ни звука, кивает, смотрит на дочь. Тишину нарушает щёлкнувший замок в двери.

– Мамочка, прости, мамочка... – плачет Агата, опустившись на корточки перед кроватью. – До чего довела тебя, прости... Мария обеими руками силится обхватить заплаканное лицо дочери, направляет его к себе во взгляд, внимательно, словно видит впервые, изучает.

– Я тебя совершенно не знаю, дочка... Что ты натворила... – шепнула она чуть слышно, одними губами. – Ты беременна? – Агата кивнула. – Сколько? – Шестой месяц.

– Поздно что-либо говорить. Но хочу, чтобы знала, ты сде-

лала... не ты одна, но для меня ты, и только ты имеешь значение... сделала несчастными столько людей. Не представляю, как мы это переживём. Мария еле говорит, с придыханиями. Болезнь подточила здоровье. Придёт ли в себя, станет ли прежней Марией, простит ли? – Агата не отрывает мокрых глаз от лица матери. Никогда она не видела её такой поникшей, почти безжизненной. На бледной коже глаза её кажутся бездонными тоскливыми озёрцами... Придёт ли в себя? Когда! Словно догадавшись о мыслях дочери, мать продолжает:

– Всё утрясётся, я выздоровею, и Соня с Алёшей переживут, и отец как-нибудь смирится... а вот ты, ты будешь кормить себя, не сейчас нет, позже, гораздо позже... Иди! Иди, пока отца нет. Нужно время... Сухие тонкие пальцы осеняют дочь крестным знамением... Агата выходит в слезах. Боль в голове пульсирует как в детстве – звенит, рвёт сосуды, ломает её мир. Сердце от страха сжимается. Кажется, оно осуждено на непростое счастье. Украденное.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Каждое сегодня уносится во вчера – в близкое или далёкое прошлое. В него вглядываешься, чтобы попытаться разобраться в сегодняшнем дне. Но и оглянувшись назад, Алексей Сергеевич затрудняется найти признаки отклонения своего сознания в подростковом периоде. Скандальный случай с отцом оставил щемящую душевную рану, но сдвига в психике ни тогда, ни в более зрелом возрасте на этой почве он не замечал. Да, он переживал, мучился, терзался, скованный льдом страха, подозревая в себе странности, но, даже находясь во временном оцепенении, сознавал, что порядочный человек, наделённый здравым суждением, каковым он, несмотря ни на что, казался себе и подавал обществу, должен и переживать, и мучиться, и терзаться. Это нормально. И в ясности своего ума не сомневался, отдавая себе отчёт во всех своих действиях.

Стеснительность с девочками он объяснял неудачами. Разве виноват, что Агата оттолкнула его? Да, он был мерзок, груб, но прояви она чуточку понимания к его состоянию тогдашнему, всё пошло бы иным путём. Насмешницы девчонки действовали на него удручающе. Подавляли. Заставляли внутренне сжиматься.

Или та спортивная девочка, за которой он шёл в надежде познакомиться? Ведь искренне хотел! Он виноват в её внеш-

нем изъяне?! Нет, но тайно порадовался. И этот облом, и радость, что нашлась причина, из-за чего он не подошёл к ней, укрепили в нём ранее появившуюся неуверенность. Как же он вздохнул свободно, когда понял, что родимое пятно де-вушки спасло, освободило от необходимости знакомиться.

А с другой стороны, не с подобных ли случаев образовалась трещина в отношениях с противоположным полом? Ведь до этих досадных казусов ничего похожего не было. С девчонками дружил так же, как и с мальчиками. Когда стал избегать их?! Не тогда ли, когда начал осознавать их власть над собой и понимать, что чувствует себя в их обществе не совсем уверенно. Да что там «не совсем». Заикался, бледнел, терял терпение. Но не рассудок. Даже ругал себя потихоньку за отчуждённость и необщительность...

Панические мысли могли стать навязчивой идеей, и не дай бог, перешли бы в фобию. К счастью, до этого Алёша не докатился и, как казалось ему, он нашёл выход.

Волны перестройки хлынули на берега страны, грозя перейти в девятый вал, и подобно цунами, смести на своём пути не только ценности, созданные человеческим умом и трудом, но и самих создателей, а в оставшихся на плаву посеять растерянность и страх. Все застыли от неожиданности. Замерли в ожидании, слушая горластую гласность, не ведая, что их ждёт впереди.

Но для Алёши это был не тот случай, когда очень важно вовремя кого-то услышать. На фоне дальнейшего разд-

рая в стране, молодой человек, устав от громких лозунгов и демагогии, льющихся с экранов телевизоров и радио, пресытившись бесконечными издёвками и смехом сверстников над словесной вакханалией рвущихся к власти, вдруг возомнивших себя мессиями и спасителями отечества, нашёл для себя более достойное занятие – периодически совершал бегство к книгам. Политика мало занимала его. Тем более, политика разрушающая жизнь, страну, семью, отношения между людьми.

Художественная литература – это оазис полезности и увлекательности среди бушующего противоречиями мира. В ней присутствовал трепет и присутствовала мысль, в то время как содрогающийся от безумств мир представлялся хаосом.

Не будучи знакомым с афоризмом Монтескье о том, что «любить чтение – это обменивать часы скуки, неизбежные в жизни, на часы большего наслаждения», он безоговорочно принял бы его, поскольку давно пришёл к схожему мнению; попадись ему эта фраза в процессе чтения, он, воодушевлённый единомыслием с известным философом, стал бы приводить цитату, как подтверждение важности и пользы чтения перед своими приятелями, не очень -то разделяющими его убеждение.

Литература стала единственным искренним другом, и даже больше. Единственной женщиной. Женщиной в своём разнообразном многообразии. От милых скромных героинь

до разнузданных, обольстительных «пираний», выманивающих не только деньги, но крадущих и душу. Именно в литературе он успокаивался, наслаждался ею и от неё получал удовлетворение и уроки. И она как верная спутница не подводила Алёшу, посылая к нему утешительниц, от общения с которыми не только голова кругом, но и дух захватывает.

Сначала его восторгали и затем, по мере снижения накала упоения ими, утешали тургеневские девушки – романтические особы с сильным характером и богатым внутренним миром, тонко чувствующие, замкнутые и страдающие от отсутствия гармонии между окружающей средой и высокой духовностью в себе. Это противоречие для них стало трагедией, для него – ещё одной лесенкой познания человека как индивидуума. И всё же схематичность образов Лен, Лиз, Вер и Ась, вскоре наскучила ему. На смену им в его мир ворвалась неукротимая Настасья Филлиповна, в вихре танца закружилась сотканная из любви и ревности Анна Каренина, из глубины леса появилась диковатая полесская колдунья Олеся; в этих прекрасных лицах сквозила печаль, а в сердцах поселилось страдание, ибо они знали, чем всё кончилось. И он уже знал. Поэтому соприкасался с ними так, как не мог соприкасаться со своими ровесницами, сидевшими рядом и дышавшими с ним одним воздухом средней полосы России, но далёкими от его сущности. Соприкасался и наслаждался обществом тех, которых сам понимал, обнажая перед ними не столько душу, сколько томившееся в неопыт-

ности тело.

Оно тоже жаждало гармонии, и, как ему казалось, в такие минуты, приближаясь к литературным богиням, обретшим бессмертие, обретало её. В мечтах и фантазиях! Но однажды что-то сломалось в нём, однажды его мир вдруг расстроился. Причиной стало новое слово нимфетка, которое въелось в его мозг и совершило в нём кульбит.

Будучи юным и неискушённым, он не был готов к подобной литературе. Прочитав «Лолиту» в первый раз и не поняв не только главного посыла автора, но и не разобравшись в фабуле романа, отложил. История напрягла его. До сих пор всё было более-менее понятно, а эта книга смутила юного Алёшу. Отложил до лучших времён, но не отбросил, как делал с книгами, не затронувшими его сердца. Эта как раз затронула, но не сердце – любопытство и смутное беспокойство.

Время от времени он возвращался к ней, читал выборочно отрывки, испытывая ощущения сродни тем, которые он испытал при виде язычка Лины, слизывающей мороженое. Если до встречи с произведением, предаваясь сладостным мечтам, он оправдывал свои тайные действия потребностью души и тела, якобы возвышающие его, то книга явилась чуть ли не инструкцией к действию, спуская его с небес на землю. Вот ведь как бывает у других... Томительные вожделения Гумберт Гумберта (8) трактовал по-своему.

Стыдясь самого себя, воровато, он запускал руку между

ног и проделывал манипуляции, освобождаясь от внутреннего зудящего напряжения. Гармония исчезала, уступая место плотской удовлетворённости.

Задавался ли он вопросом, что происходит с его организмом?! Задавался и не раз. Только это и занимало его сейчас. Любопытствовал, искал ответы в книжках и в разговорах с друзьями, уверяя себя, что полученные знания, окажутся полезными, хоть и теоретическими. Но одной теорией в своих сексуальных фантазиях не ограничивался; следуя природным инстинктам, продолжал мастурбировать, чувствуя радость и облегчение. Ощущения нравились ему, несмотря на некую внутреннюю неловкость, которая появлялась после процесса. И каждый раз, словно оправдывая себя, находил утешительный довод, уверяя себя в том, что подобными действиями никому не вредит.

Алексей Сергеевич про себя часто улыбался тому неопытному Алёше, воскрешая в памяти давние терзания. Неизбежно каждый подросток проходит через них на пути возмужания. На этом пути случаются непредсказуемые повороты. Порой нежелательные. Отсутствие рядом внимательного отца или старшего брата, которые бы научили многому, сыграло в его жизни решающую роль.

Теперь он понимал, чтобы стать мужчиной, мальчику необходим наставник. Если его нет в детстве, мужчина вырастает незавершённым. Да, внешне человек может казаться мужчиной. И работа у него мужская, и одежда, и семьёй

обзаводится... Но. Передача мужественности лично Алёше так и не завершилась. Всё оборвалось на том диком случае. Вульгарно, жёстко. С искажением и надломом. И ни одна душа не взялась объяснить ему, что же произошло... Как воспринять?! И надо ли! Скорее всего, как понимал Алёша, он не прошёл процесса мужской инициации.

Оставаясь один на один со своими проблемами, он невольно прислушивался к тому, кто сидит внутри него и руководит, не считаясь ни с воспитанием, ни с родными, ни с его жадой гармоничного самоощущения. Физиологические потребности брали верх, но скованные внутренними страхами, оставались втуне, раздирая неокрепшее тело и душу.

Поэтому он, уже Алексей Сергеевич, повзрослевший, подобно путнику, затерявшемуся во времени и пространстве, так часто пытается пробраться в детство. Из этого лабиринта растут ноги его смятенных переживаний. Роковая встреча с отцом в саду осталась нерасшифрованной тайной, породив боль, обиду, ревность и изнурение его личности. Это была правда, с которой он жил и поделиться не мог. Но жизнь его не стояла на месте и двигалась вперёд несмотря на внутреннее отчаяние.

Сдав выпускные экзамены, Алёша со своим дружбаном Ником отправились в город С. Друг нацелился поступать в технический вуз, он – в гуманитарный институт. Чтение, помимо того, что раздвинуло рамки его крошечного мир-

ка, определило выбор профессии. Любовь к слову привела его на филологический факультет. Он станет литератором, и чем чёрт не шутит, может и писателем. Юноша не предвидел, что окажется в тотально женском коллективе. Так уж повелось, что на филологический идут в основном девушки. Это обстоятельство поначалу его напрягло, но попривыкнув и осмотревшись, он успокоился. Никто из девушек вроде не собирался претендовать на его личное внимание. Освоившись, однокурсницы предпочли дружить с ребятами курсом старше, или находили воздыхателей вне стен института. Можно успокоиться и не терзаться мыслями. Несколько парней разбавляли феминизированный курс будущих словесников; с некоторыми из них Алёша поселился в студенческом общежитии, куда его направили из деканата.

Соня приехала поздравить сына с поступлением и успокоилась, познакомившись с его новыми друзьями и жилищем. Трое ребят в одной комнате, все студенты... Поводов для волнений нет.

Она уехала в свой маленький городок, радуясь тому, что у сына начинается интересная пора – студенческая. Её же жизнь, одинокая, безрадостная, не сулила женщине ничего нового, а тем более, интересного. Однообразие и рутина. Работа, дом – сплошная серость. Невесёлые мысли проносились титрами к осенним картинкам, мелькавшим за оконцем автобуса, на котором она возвращалась домой. Рябило в глазах, в скомканном сердце – тоска! И подруг совсем не оста-

лось... Развал страны разметал многих по большим городам и чужеземным странам в поисках лучшей жизни. Одна Мария осталась да Антон. Надо бы навестить...

К её радости, Мария шла на поправку. Выглядела она не то, чтобы цветуще, но уже смотрела в сторону той, прежней Марии. В брючках, облегающих фигурку, – за время болезни ставшей более стройной, если не сказать худой, – и светлом жакете, улыбаясь, устремилась навстречу Соне.

– Откуда ты, – заметив дорожную сумку в руках подруги, спросила она, и узнав, забросала её вопросами.

– Ну как он, что?

– Поступил, устроился, слава тебе господи, хоть здесь повезло, – счастливая успехом сына светилась женщина.

– Садись, попьём чайку, расскажешь, – засуетилась Мария. Повернулась к дому, позвала:

– Антон, иди к нам... Соня здесь... Трое друзей, пострадавшие по милости родных людей, обиженные непредвиденным поворотом, но не впавшие в трагедию от удара, пили чай с вареньем, обсуждая настоящее и будущее Алёши.

Сентябрьская осень прислушиваясь к разговору, робко роняла им под ноги первые пожелтевшие листья. Воздух, всё ещё прозрачный, замер, затих, вбирая в себя пряный запах земли и пожухлых растений; отдыхал в преддверии резких перемен в природе.

Люди за столиком мирно «калякали», (9) как в минуты особого расположения друг к другу по-простецки называют

свои разговоры волжане, время от времени смеялись, гоняя чай всклянь, (10) и старались не задевать неприятную для всех тему, что подсознательно их мучила.

Дребезжание телефонного аппарата на подоконнике за открытым окном оборвало разговоры и смех компании. Сотовая эра ещё не тотально завладела бытом и сознанием людей. Один из островков не изменённого мира – дом Антона, обитатели которого пользовались привычным советским аппаратом. Хозяин дома вытащил телефон со шнуром в сад, чтобы Мария смогла ответить на звонок. Соня напряглась. Диалог матери с дочерью неприятно поразил её. Конечно, слова Агаты она слышать не могла, но вопросы Марии насторожили:

– Как малышка? Температуры нет? – голос Марии показался Соне тревожным, в то время она заметила, как в глазах подруги появилось выражение умиления.

– Обязательно вызови врача! – авторитетно потребовала она. Соня с недоумением смотрела то на Антона, то на Марию. Дождавшись конца разговора, она, натужно улыбаясь, спросила:

– Какая малышка? О ком речь?

– Малышка?.. – повторила Мария. Только сейчас она спохватилась. Ах, опростоволосилась... вот досада... Но к чему скрывать? Всё равно узнает...

– У Агаты родилась дочь...

– У Агаты... дочь... Когда? – как во сне повторила Соня.

– Уже месяц... – виновато прошептала Мария, исподлобья взглянув на подругу. Новость застала ту врасплох.

Соня вспыхнула, выскочила из-за стола, неловко задев и перевернув его и всё, что на нём находилось: чашки с блюдами, варенье в вазочке, остывший чайник, печенье, – машинально схватила сумку, брошенную у ног, и выбежала за ворота. Она бежала, еле сдерживая слёзы, задыхаясь в спазмах...

– Так предать, так подло предать её, – стучало в висках. К кому она обращалась, сама не понимала – к подруге, к её дочери, к бывшему мужу... Да и собственная реакция стала для неё неожиданностью, ведь она внушила себе, что Сергей и всё, что с ним связано, для неё не существует. Так почему же? Что её взбесило? На воздухе Соня дала, наконец, волю слезам. Обида захлестнула женщину и забегая за угол, она не то чтобы слышала шуршание колёс и скрип тормозов, – в потрясении от новости, – она не видела и не слышала ничего вокруг, – а каким-то подсознательным чувством поняла, что вот-вот произойдёт нечто ужасное.

Соня вскинула глаза. Время для неё вдруг остановилось. И остановило сердце – она перестала дышать. Искажённое страхом лицо водителя мчалось на неё с неотвратимостью судьбы. Машина, словно ракета, взвившись от земли вверх, потянула за собой Соню, и она, по неведомым ей законам физики, зависла в невесомости... Внезапно странным образом всё смешалось с рёвом мотора и пыльным запахом зем-

ли, взметнувшейся веером вверх. В мгновение, сквозь завесу из слёз успела зафиксировать, как неестественно расширившиеся зрачки незнакомого мужчины стали последним видением...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мария – женщина отходчивая. В положение подруги входит, искренне жалеет её, но и дочь не может отринуть от себя полностью. Плоть от плоти, кровь от крови. Да, дочь сделала неправильный шаг, не оправдывает её, но молодости свойственна опрометчивость. Кто не совершал ошибок из-за любви? Просто любовь непонятная. Вокруг столько молодых людей, а выбор Агаты как в песне: «парней так много холодных, а я люблю женатого». По мере выздоровления вся эта история уже не кажется Марии столь чудовищной, как вначале. И злится, и стыдится порой, досада донимает, не даёт покоя... Но факт остаётся фактом. Если дочери хорошо, Мария обязана как мать, со временем смириться, принять ситуацию. В конце концов, все живы. Для семьи потрясение грозило закончиться трагедией. Слава богу, обошлось... Переживания, страдания... Да, они неизбежны. А как их можно избежать, когда ситуация выходит за рамки приличий? Осрамились на весь белый свет...

В тот день, когда Соня выскочила из их дома и бросилась бежать, Мария с Антоном растерялись. Антон тут же хотел броситься за ней, вернуть, но Мария остановила мужа:

– Не надо, Антон! Дай человеку побыть с собой...

– Ты не видела, она как ошпаренная помчалась! Как бы ничего плохого не сделала.

– Придёт в себя, вернётся. Ты Соню не знаешь...

Она корила себя за оплошность. Надо бы поаккуратней. Совсем выскочило из головы, что Соня не в курсе о беременности Агаты и родах. Всё ещё любит Сергея... Женщины, женщины, одна как в омут бросается из-за любви к женатому, другая готова забыть, простить, поступиться гордостью, лишь бы вернулся...

Однако Соня долго не появлялась. Исчезла, словно сквозь землю провалилась... Набожная Мария тайком от мужа крестилась, приговаривая «свят, свят, свят»... и места себе не находила. А вдруг... Ох, придут же мысли в голову!

Однако на звонки никто не отвечает. Пойти к ней она не может – после болезни не рискует выйти из дома. Остаётся ждать. Бегство Сони из их дома – чета и мысли не могла допустить возможность полного разрыва – каждый вечер обсуждала с мужем. Он приходил с работы, (трудился Антон в конструкторском бюро в должности ведущего специалиста) отдыхал, – покой мужа она оберегала, – и только тогда Мария заводила разговор о подруге.

Антону перевалило за полтинник. Его внешний вид соответствовал возрасту, прописанном в паспорте, и особых нареканий у близких не вызывал, впрочем, как и особого восторга.

Внешность среднестатистического мужчины Поволжья. Простое лицо славянского типа, с есенинским цветом глаз и с такой же лёгкостью в движениях и нраве, как у любимого

поэта, но ничего общего ни с поэтическим даром, ни с бурной жизнью баловня судьбы и женщин; телосложение эндоморфное, со слегка округлившимся в последние годы животом, как говаривали местные женщины – прогонистый (11). Из средней статистики, по определению степени чувств, если бы таковая имелась, выбивался удивительной особенностью – пылкой, почти юношеской любовью к жене. И Мария любит мужа. Такого ещё поискать!

С первых дней и поныне, несмотря на стаж семейной жизни длиною почти в три десятка лет. А он пламенность чувств к единственной женщине, приправленную нежностью, перенёс и на дочь. Что ещё надо для счастливой жизни...

В маленьком городке они считались образцовой семьёй, примером для подражания и поводом для зависти. Нередко нерадивым мужьям соседские женщины бросали упрёки: «А вот посмотри на Антона, всё для семьи – золото, а не мужчина...»

Вредными привычками, вроде курения и пагубного приятия на грудь ни от безделья, ни от занятости не увлекался и не одобрял, а вот часами копать в каком-нибудь конструкторе и решать головоломки – его стихия. С Марией жили дружно, за всю совместную жизнь это, пожалуй, единственный случай, когда их как следует потрянуло. Вот только Агата оказалась слабым звеном их дружной семьи.

Рассуждая на эту тему, Антон пришёл к выводу, что случившееся с их дочерью иначе чем завистью богов не назо-

вёшь. Слишком гладкая жизнь у них сложилась! И вот, зигзагнула! Создателю ведь ничто человеческое не чуждо: в нём самом столько человеческого, сколько в человеке божественного. Имеет право потряхнуть их семейку как следует с целью проверить её на прочность. А там видно будет. Распорядятся ли они божественным в себе или человеческое возьмёт верх – решится по ходу действий и в силу способностей каждого участника.

Ах, Агата, Агата, что ты наделала – с горечью продолжает молчаливый разговор с дочерью в то время, пока руки вычерчивают на ватмане очередную деталь. Чего ей не хватало... И тут же представляет Агату, склонённую над ребёнком.

На той неделе она привезла малышку показать родителям. С миленьким рассматривали розовые ручки, ножки, забавное личико младенца, позабыв о неприятностях, свалившихся им на голову. У Марии вообще затрепетало сердце при виде розового комочка; волнуясь и дрожа от чувств, с такой бережностью и трогательностью обращалась с малышкой, словно та была фарфоровой.

Эти мгновения счастья переносили их в пору, когда появление такого же крохотного существа в их жизни сулило вечное счастье. Интересно, что идеализм молодости семейной пары не «разбился о быт» при входе в зрелость. И с возрастом не исчез до конца. Не эта ли генетическая особенность, сущностью которой является чистота воспри-

ятия жизни, передалась дочери, трансформируясь во вседозволенность в ней, и упование родителей на её разум, что не подведёт он в случае необходимости, что подскажет в нужный момент правильность шагов; и не по причине ли их либерального взгляда на её воспитание приходится пожинать горькие плоды...

Втайне от Марии Антон пытался найти Соню, но его расспросы у соседей успехом не увенчались. И они, и сослуживцы по работе в один голос твердили – Соня уехала к сыну.

Поэтому сильно удивился, когда в один из вечеров, работая в своём закутке, именуемым женой «лабораторией», услышал над головой треньканье, бежавшее по проводам от входных ворот. Звук зародил надежду, однако при виде Алёши сменился беспокойством. Зачем он здесь? Лицо юноши выражало... трудно сказать, что выражало, смесь растерянности и тревоги, наверно... Едва поздоровавшись, он закидал Антона вопросами: – «Маму не видели? Она к вам не приходила? Что с ней?»

Мария вышла из дома, услышав голоса. Настала её очередь засыпать парня вопросами:

- Алёша! Что ты здесь делаешь? К маме приехал?
- Тётъ Мария, я маму ищу. Она пропала...
- Как пропала... О чём ты? Она была у нас недавно...
- Не знаю, – голос Алёши срывался, – я звонил ей почти каждый день. Она не берёт трубку. Что с ней могло случиться... От меня уехала радостная... Вот сорвался, приехал. До-

ма её нет, на работе сказали – она ко мне поехала... Я подумал, может вы в курсе...

– Нет, не знаем, сами гадаем куда запропастилась... – протянула в раздумье Мария. Пройдём в дом, расскажу тебе о последней встрече, это как раз после приезда от тебя, – и приобняв его за плечи, увлекла за собой.

Выслушав рассказ супругов, расстроенный, Алёша решил, что надо искать её через полицию. Антон посоветовал:

– Сходи-ка в больницу. Фу ты, ну ты, вишь, (12) только осенило меня... Пойдём, я с тобой...

– Нет, я сам, спасибо. Если что, я дам знать, – последние слова его донеслись уже от ворот.

В маленьком городке одна больница. Алёша бежал к ней, не чувствуя ног под собой. А если она не там, то где?! Страшно подумать... Бросившись к регистратуре, он умоляюще бросил женщине в белом халате фамилию матери.

– Есть такая, молодой человек, нашла, – водя пальцем по журналу, проговорила она.

– Есть! – Он не ослышался? – А что с ней?

Регистраторша пожала плечами и назвала номер палаты. Когда распахнул дверь этой палаты, перед его глазами предстало нечто забинтованное, поднятое над кроватью и подвешенное в воздухе; и от этого «нечто» отходили провода и шланги, подключенные к аппаратуре и мониторам. Лицо Алексея исказила гримаса ужаса. Ошарашенный от увиденного, он повернулся к врачу, который шёл за ним по пятам.

– Это... это... – дрожащий голос растерявшегося парня подхватил профессионально-спокойный тон врача, – это Ваша мама, молодой человек. Её сбила машина. Можно считать, что она родилась в рубашке. Перенесла несколько операций... Мужчина в белом халате ободряюще продолжал. – Но вы не отчаивайтесь. Она обязательно выздоровеет. И тогда ей понадобится ваша помощь.

Алёша возвращался домой поздно вечером. Что за глупая фраза – родиться в рубашке – злился он. А если не в рубашке?

Раздавленный случившимся, прибитый и опустошённый, покинутый родителями, он почувствовал, как наполняется жалостью к себе, к матери, к их невезению. Морозящая, подвижная, лопочущая темнота бежала за ним по пустынной тропинке, придавая его силуэту странные очертания в просвете жёлтых бликов, отражавшихся на асфальте от нависших сверху фонарей. Холодный осенний воздух с мокрыми шлепками распарывал кожу лица. Шёл, не сдерживая слёзы. Сейчас их не мог видеть никто... А хоть бы и видел! У него горе! Неудача за неудачей, да что же такое! Словно сглазили... Досада, отчаяние душили его. Наконец-то дома.

Открыв дверь квартиры, он бросился в мокрой одежде и обуви, не раздеваясь и не разуваясь, на кровать, и зарыдал в полный голос, сотрясаясь в плаче.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ночь кошмаров не принесла ему отдыха. Снились сны один тревожнее другого. То он в пропасть летел, теряя почву под ногами, то плакал и умолял неизвестного собеседника помочь найти мать... Какое счастье, что действительность не подтверждается жутью сновидений. Отпечаток ночных мук в мутных глазах, на смятом лице... Но жив, жива и мама. Это главное.

Наконец придя в себя, наяву, а не во сне, ищет выход из сложившегося положения, задействовав мозг, насколько позволяет медленно просыпающееся сознание. Во сне же отсутствует не только сознание, но и реакция со стороны органов чувств. Цепенеешь от ужасов. Ни думать не способен, ни рассуждать... Мама могла умереть!.. Но жизнь дала шанс, а с ним и надежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.